

был уволен из духовного звания (по его просьбе) и стал надзирателем над вольно-приходящими воспитанниками Вологодской губернской гимназии (Там же. Л. 7). В 1844 г. он был определен на место учителя русского языка Устюжского училища. (ГАВО. Ф. 437. № 1463. Л. 10).

9. В. А. Попов (1828 – 5 сентября 1867), после окончания Вологодской гимназии недолгое время работал педагогом. С 1858 г. по 1863 г. являлся помощником редактора неофициальной части Вологодских губернских ведомостей. – Веселовские А. и А. Вологжане – краеведы. Вологда, 1923. С. 90.

10. «Сборник слов, выбранных из архивов Яренских столбцов XVI-XVII вв.» был опубликован (ИОРЯС, 1852. Т. I. С. 120 – 144; 1853. Т. II. С. 198 – 208, 252 – 272). Он содержит около 600 слов с указанием распространения их в современных говорах.

11. В конце 30-х гг. XIX в. Евгений Васильевич Кичин (род. 1818 г.) был штатным смотрителем в Вологодском училище (ГАВО. Ф. 438. № 258. Л. 8 об.), в 40-е гг. работал учителем Кадниковского уездного училища, позднее был назначен штатным смотрителем Усть-Сысольских училищ, затем Вологодских училищ. В 1859 г. состояние здоровья не позволило ему оставаться на службе. Но он продолжал собирать диалектный материал, заниматься историей Кадниковского и Тотемского уездов. Был сотрудником Вологодских губернских ведомостей.

12. И. Н. Муромцев (1823 – 1854), из мещан, закончив Вологодскую гимназию, с 1843 г., был в ней преподавателем, работал также в уездном училище. Еще гимназистом проявил интерес к истории родного края и работал в этой области всю недолгую жизнь свою, помесяя ряд небольших, но ценных статей и очерков в Вологодских губернских ведомостях. Веселовские А. и А. Вологжане – краеведы. Вологда, 1923. С. 67.

13. Ныне Замошье Сокольского района Вологодской области.

14. Николай Карлович Отто (род. 1825 г.), из обер-офицерских детей, в 1848 г. окончил Санкт-Петербургский университете со степенью кандидата. Служил во 2 Санкт-Петербургской гимназии старшим учителем латинского языка. Позже преподавал там русский язык. С 1852 г. до 1864 г. работал в Новгородской гимназии старшим учителем латинского языка. С конца декабря 1864 г. он на той же должности в Вологодской гимназии. «Отто как преподаватель заслуживает похвалы за свое усердие, аккуратность и знание предмета», – писал его начальник директор училищ Вологодской губернии И. Красов. (Л. 2). В начале декабря 1869 г. уволен по болезни. (ГАВО. Ф. 438. № 3104. Л. 38 об.).

А.Б. Коконова
Москва

ОБРЯД КРЕЩЕНИЯ МЛАДЕНЦА (на материале архангельских говоров)

Крещение – один из важнейших этапов социализации ребенка, введение его в круг «своих», отделение от опасного, чуждого мира, из которого он пришел. Поэтому невозможность совершить обряд крещения в народ-

ной культуре приравнивалась к греху: *Менé грéх большой будéт, што я тебя не окрестила. И пока не окрестили ребёнка, это роди́нницы преступление.* Верили, что умерший неокрещенным младенец на том свете будет слепым: *Некрещёный-то слепой веть там (на том свете) лежы́т, бáбушка говори́ла.*

Принадлежность к христианскому миру была мерилом для оценки поведения человека, его моральных и даже интеллектуальных качеств. О людях чужих или преступниках говорили, что у них «*Крестá на вороту нéт.*», подчеркивая этим нравственную составляющую христианской веры. Верили, что некрещеный человек не сможет познать божественную истину: *Некишо́ному Госпо́ть не открывáет свéт.*

Считалось, что некрещеный ребенок чаще болеет, на него не действуют заговоры, так как он является чужим, «грязным». Такому младенцу даже могут отказать в заботе и лечении: *Окрести, я з грэзным-то не буду ребёнком води́ца. Окрестила, чистый стал, стал води́ца.*

Некрещеный не является до конца человеком, он сравнивается с диким существом: *Так вы што дóмаете или нéт, я ж не киши́оная, я каг дíч из болóта выташи́эн.*

Некрещеных детей в архангельских говорах называли *некрестями: Нéкресть она́, некрещóная, лéшый, говоря́т, поволо́к. К нáм никто не ходит – у нас в дóме некрись – дефчёнка некришёна.*

Крестили младенца либо сразу после рождения, либо через сорок дней, что связано со сроком очищения роженицы: *В бáне намо́ют как только роди́лсé, и крестьти́ понесли, тамы́ имá дава́ют. Дня́ через три нóсят креща́ть. После сорока́ днéй стара́лись крестьти́, пелёноиных софсéм.*

На крестинах происходило наречение имени: *Дава́ют имé. И́мя выби́рали отéц да мáть. Пóп называ́ет, когда́ креща́ет, ф кни́гу посмóтрит – тогда́ ты будéш именинни́ца. Нарека́л её бáтюшкá.*

«По народным представлениям, «плохое» имя поп может дать ребенку, родители которого его разозлили или не одарили достаточно щедро» (Казакова 2009: 110-111). К тому же «плохими» именами принято было называть незаконнорожденных детей, поэтому попа старались «не гневить»: *Пóп кре́стит, и ево́ на крестьи́ны зва́ли, он сáмый главный. И́мя дава́ли по празднику, а если пóп злой, то имá плохое дава́ли, Агрипиной да Лíпой. Попа нельзя гневи́ть, а то имá плохое дáст.*

Имя чаще всего давали в честь святого, чья память празднуется в день крещения младенца или близкий к этому времени день: *Ф который дéнь креща́ют, такó имá и дáст. Рáньшэ-то вот ыш крешиа́ти-то ф цéркве, так вот ыш, какой прáзник, такó имá даю́т.*

Интересна такая примета: если младенцу дать имя того святого, чья память еще не праздновалась, то у ребенка будет долгая жизнь: *Анка, ты долговека будеш. Девяносто годов будет ей. По метрикам не дошло, я тебе имя фнерёд дал, долговека будеш.*

Имя из Святцев старались давать еще и потому, что иначе человек будет безымянным на том свете: *А Светланой фсё давают имя – безымянной человёк. Там хоть и называют, а помрё – он безымянный человёк. Пойдём на допросы там г Господу Богу – а фсё ровно ты безымянный. Безымянный человёк, это я слыхала од дёткоф-прадеткоф.*

Ребенка могли назвать и в честь родных, близких, соседей, причем старались выбирать счастливого человека, чтобы часть этого счастья доспалась и младенцу: *Я ф свадьбу егову родился, вот меня Феофаном и назвали. Дайте моё имя, можэд, долговекий будёт.*

Считалось плохой приметой давать ребенку имя недавно умершего человека: *На умёршего человёка имя не давают – будет нещасливой человёк.*

Крестили как в церкви, так и дома, приглашая для этого попа или монахиню: *Я дома ф кринке, где пироги пекли, меня крестили в этой кринке. Ис цэркви приходила матушка и крестили дома. Монашыны крестили, крестили ф тазике. А раньш купели и попа привезут, как родицэ. Монашэнка молитвы попоёт. Поп ходил кругом, был называли куп, глиняный, в нём бельё кипятили стираги ф щёлочек. И вот Настю ф этот куп помещали и крестили.*

Если в деревне не было церкви, крестить ребенка могла любая женщина, знающая молитвы: *У нас нет попа-то, какая-нибудь баба молитву прочитает, крестик опустит, да и фсё. Со рта, если мама крещёна, можно матери дитя облить, дитя на голоффу: «Покрести, Господи, раба таково-то».*

Правда, такое крещение не считалось «настоящим», полноценным крещением: *Ребёнка можно помыть с крестом, штоп не липли болезни, штоп бабушка лечить взялась. И крестик не надевают, он лежит пот подушкой. Это не щитаецца настоящим крещением. У меня фсе были немношко кионые, мамушка крестила. Бабушка-то крестила, дак шытатеца половинно крещение.*

Полным кишенем считали крещение по всем канонам, с погружением младенца в святую воду и миропомазанием: *Монашэнка окстила, а батюшка миром помазаў, фсё, полна кишенье.*

Действие «крестить» может быть выражено как прямо – глаголами *крестить, крещать, окрестить, окстить, покрестить*, так и образно – с помощью обозначения одного из этапов крещения: *держать, обдергивать, держать под рукой, держать над купелью, принимать, принести*.

мать из (от) купёли. Зафиксировано выражение приводить в крещёну веру, описывающее крещение как религиозный обряд: Ис купёли принимали, ф крещёну веру приводили младенца.

Во время крестин гадали о судьбе ребенка: Скажут, родовы волосы-ти надо пострикчи. Когда крестят малого, волоски срезают и кладут в эту купель. Узнавали, ф каку сторону клонит: г жызыни или к смерти.

Крещеного человека называют щёным, окщёным, крещёным (от глагола крестить), купаным (по главному этапу обряда): А я кшона, ф купели купана. Фсё у меня окшибоные, фсе-то, я уш сама уш с себя грех свалила. Я крещёна, миром мазана, у меня ешчё две были крёсны. Ф купели купали – хрёсна, миром мазала – фтора. Родяца – и меня крещял по́п, я тоже купаная.

После крещения ребенка обязательно устраивался праздник, куда звали только самых близких родственников, а также священника (если крестил он) и повитуху. На крестинах обычно одаривали ребенка: Поп приходит на праздник. Дарыли девочке на платьице, а парничку на рубашку. Своих, ближних приглашали посидеть как родит. А на крестины много собирали. Угощенье было и подарки небольшие, кто пелёночку, кто роспаюночку.

На крестины полагалось идти с пирогами: Напекут пирогов и шанек, выштым полотёнцем накроют – я с пирогами пошла – это на крестины пошла. Это ребёнку дарыли. С пирогами называют, подарки несут, пироги вот на самом деле, стол накрывают.

Крестная мать желает своему крестнику добра и здоровья с помощью традиционной формулы: Крёсна-то молит-молит, добра ли, чё. «Сей гот пироги, на новый бы други» – намаливат, молит крёснице добра да здоровья.

Праздник, устраиваемый в честь крещения ребенка, назывался крестинами, кстинами, крестьбинами, крестильным обедом.

Важными участниками обряда крещения считались крестные родители. К их выбору относились очень ответственно: это не должны быть слишком молодые или слишком старые люди; люди, находящиеся между собой в родственных отношениях; колдуны. Крёсные мать и отец не могли быть замужем друг с другом, братом с сестрой не могли быть. Брат с сестрой и жэнатые.

В крестные часто звали родственников или соседей: Родственники и соседи крёсными были.

Если в семье умирали, «не держались» дети, то в крестные обязательно звали «по крови». Если дети умирают ф семье, то ф крёсные по крови зовут.

Крестным могли назначить того, кто встречал ребенка из роддома, кто держал его во время первого купания, и даже того, кто принимал роды: *Вот она меня перва из роддома забирала, дак божаткой взялась. На Андрюшэнка, подержы (его мыли) – и будешь крёсным. Роды принимала, и стаига мне божаткой она. Ребёнка принимает, бабничаят. Она крёсной и будет.*

Крестных называли *вторыми родителями*, подчеркивая их значимость в крестьянском социуме: *Фторые родители назывались божатка и крёсный., а также крестниками, крестными: Ныньче крестники зовут, а мы – божатка, божатушка. Чем сильнее крестные, тем слабее ребёнок, щитали.*

Названия крестного отца происходят от мотивирующих основ *-бог-*: *божат, божатник, божатой; -крест- (-хрест-): крестовой, крестовой отец, крестной, крестной отец, крестнушко, крестовушко, хрестной, хрестной отец, хрестнорук.*

Наименования крестной матери более многочисленны, вероятно, потому, что крестный отец был фигурой факультативной, а крестная мать – обязательной. Названия крестной происходят от тех же мотивирующих основ: *-бог-: божата, божатая, божатенька, божатиха, божатка, божатонька, божаточка, божатушка, боженятика; -крест- (-хрест-): крестная, крестная (крестная) мать (мать, матьушка), крестненькая, купельная крестненькая, крестенка, крестенька, крестнинка, крестница, крестнушка, крестнушка, крестушка, крестовая, крестовушка, крестовиха, крестова мама (мати, мать, матенка), крестня, кросинка, хрестная, хрестная мать (матьушка), хрестненькая, хрестнушка, хресенка.*

Зафиксированы названия *вожатка, вожатушка*, которые, вероятно, возникли в результате мены губных фонем *б > в* в исконного *божатка* и семантического сближения с глаголом *вожатить* ('быть руководителем'), которое соотносится с ролью крестной матери как руководительницы в делах веры и нравственного воспитания.

Статус крестных в народной культуре был довольно высок: они принимали непосредственное участие в воспитании ребенка, их звали на все праздники, обязательным было их присутствие на свадьбе крестника: *С свахой да с божаткой он приехал. Жених с божаткой пришёл за мной, божаточкой крёсну звали.* В случае кончины родителей ребенка крестные должны были воспитать его: *Родители скончавца – должны эти родители принять.*

Казакова Е.Д. Имя человека в зеркале метаязыковой рефлексии диалектономистов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 8 – 12 сентября 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 110 – 112

*В.С. Куликова
Череповец*

МЕТАФОРА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ СОЦИОЛЕКТЕ НАРКОМАНОВ

В настоящее время наблюдается интерес ученых к изучению социолектов деклассированных элементов. Это явление может быть объяснено тем, что «языки» последних входят в национальный язык и влияют не только на него, но и на культуру, и повседневную жизнь общества. Даный факт послужил основанием для выбора объекта нашего исследования – социолекта наркоманов.

Настоящая статья продолжает исследование особенностей, выделенных нами в английском и русском социолектах наркоманов. Материалом исследования послужили лексические единицы, извлечённые методом сплошной выборки из лексикографических источников. Но прежде, чем перейти к обзору метафорического переноса наименования в указанных социолектах, следует дать определение понятию «социолект наркоманов».

Социолект наркоманов, являясь частью национального языка, обладает как общелитературной лексикой, что позволяет осуществлять более или менее полноценную коммуникацию, так и лексикой, определенной «профессиональными» и социальными принадлежностями его носителей, а также родом их занятий. Стоит отметить, что данный социолект, как впрочем и иные социолекты а- и антисоциальных элементов, имеет коммуникативно-эзотерическую функцию, позволяющую скрыть истинный смысл высказывания (метафорический перенос играет здесь существенную роль). Суммировав всё выше сказанное, мы определяем социолект наркоманов как полуавтономную форму существования языка, обладающую системой социолингвистических норм второго уровня, специфичной просторечной лексической системой, применяемую определенным составом носителей антисоциального характера.

Словарь наркоманов пополняется различными способами, один из которых является метафорический перенос наименования.